

A whimsical illustration featuring a central birdhouse with a keyhole, surrounded by various birds and a cloud with text. The background is a light blue sky. The birdhouse is a simple wire cage with a keyhole in the center. A key is hanging from the keyhole. Several birds are perched on the branches of the birdhouse, including a black bird, a red bird, a brown bird, a yellow bird, a blue bird, and a white bird. A cloud is positioned above the birdhouse, containing the text "Птичьи истории". To the right of the birdhouse, there are several envelopes and a small box, suggesting a collection of letters or stories. The overall style is a soft, painterly illustration with a focus on nature and storytelling.

Птичьи истории

Рада Рада Птичьи истории

<https://litres.ru/74651618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ироничная, психологическая проза, в которой за смешными историями о соседях постепенно раскрывается серьезная тема человеческой ответственности за свои слова и поступки. За внешней легкостью и сатирической остротой рассказа скрывается глубокое размышление о дружбе, одиночестве, памяти и нравственной ответственности. Это рассказ о том, как легко судить других и как трудно однажды увидеть себя глазами тех, кому мы невольно причинили боль.

Содержание

Рассказ незлого человека!	4
Иволга	6
Синица	11
Оса	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Птичьи истории

Рассказ незлого человека!

Я всегда была хорошим человеком. По крайней мере, так мне казалось. Я никого намеренно не обижала и вообще старалась жить так, чтобы моя совесть не слишком часто требовала объяснений.

Зато я любила давать советы. Это занятие доставляло мне огромное удовольствие. Особенно удобно было давать советы людям, которые сами рассказывали о своих проблемах. Таких людей в моей жизни всегда было достаточно.

Я любила слушать. В молодости мне часто приходилось ездить на поездах и автобусах на большие расстояния. За десять лет я услышала столько чужих историй, что, собери я их все в один роман, вполне могла бы разделить с Марселем Прустом место в Книге рекордов Гиннесса за самый длинный роман.

Поездки закончились, а истории остались. И собирала я их не только в дороге, а вокруг себя: в институте, на работе, в своем новом доме. И в моей жизни в разное время появились Иволга, Синица, Оса, Зимородок, Соколик, Курица, Колибри и другие замечательные люди.

Тогда я ещё не знала, что однажды одна из этих историй закончится тем, что мне будет нечего сказать. Я поселилась

в большом многоквартирном доме. И первой, с кем я познакомилась, была Иволга.

Иволга

Она звонила мне в день пару раз — точнее, несколько, а если быть совсем точной, до тех пор, пока я не отвечала на звонок. И когда я, устав от бешеного напряжения, наконец раздражённо произносила: — Алло.

Иволга, как ни в чём не бывало, будто это было всего лишь продолжением нашего душевного разговора, энергично начинала рассказывать о том, что происходит у неё в жизни в эту минуту и о чём я, по её мнению, непременно должна была знать.

Поток слов изливался из неё, как горная река после дождя, громко грохоча и проникая, казалось, в каждую клетку моего тела. Ни на секунду не замолкая, Иволга безошибочным чутьём знала — правда, безошибочным оно было исключительно по её собственному мнению, — что я жду её звонка, беспокоясь и переживая, а потому, не желая ранить меня своим молчанием, она звонила часто. Очень часто.

Без томительных предисловий о моей жизни, здоровье и других никому не нужных формальностях она сразу переходила к главному — к своей жизни.

Да, прелюдиям в наших разговорах места не было. Прелюдии были чужды Иволге, как домашней курице — мальтийский сокол.

Она втягивала меня в свою жизнь на бегу, усаживая на

свою резвую, словоохотливую лошадку, а затем, доскакав до очередного поворота, выбрасывала — пообещав обязательно — уведомлять о дальнейших событиях.

Отдышавшись, я должна была ждать следующего звонка: не отвлекаться, брать трубку вовремя — одним словом, не халтурить и всегда быть начеку. Негоже предаваться собственным бесполезным занятиям, когда другу необходимо выговориться.

Для облегчения восприятия собеседником её, Иволгиной, жизни — а она искренне заботилась о людях — ее рассказ о каждом событии был уже заранее снабжён готовыми ответами.

Всё было тщательно выстроено и, как правило, не требовало никаких поправок. Иногда Иволга снисходила до того, что желала знать, что думает её оппонент.

Но здесь существовало строгое правило: нужно было просто подтвердить её мысль, а не допускать вольных интерпретаций и, тем более, озвучивать собственные — отличные от её — мысли.

Впрочем, надо отдать ей должное: иногда она всё-таки позволяла снисходительно выслушать чужие советы.

А я по природе своей, любящая поучать других, не могла не внести свою лепту в её пространные разглагольствования. Она кратко отвечала мне: — Ммм...

Тем самым давая понять, что моё дело маленькое — слушать, помалкивать и не забивать ей голову пустыми советами.

ми.

Иволгу я знала около двадцати лет, и когда-то она была хорошей девушкой. Тоже лет двадцать назад, но потом случилось замужество.

Волшебство брака растаяло уже на следующий день после свадьбы. Иволгу, обладавшую довольно решительным нравом, это не устроило.

Она решила довести этого вялого мужчину до высокого звания её мужа, несмотря ни на что. В процессе этой эволюции и попыток очеловечить своего супруга Иволга успела родить двоих детей.

Муж держался долго и еле унёс ноги, зализывая раны, к другой, менее решительной даме. О подлости этого человека Иволга рассказывала всем: друзьям, знакомым, малознакомым и даже совершенно посторонним людям — в маршрутках и такси. Стоило человеку хоть немного зазеваться, как Иволга мгновенно накидывала на него лассо, сплетённое из тягот её жизни, двоих детей и, конечно же, мужа, ушедшего на вольные хлеба.

Всё ту же затягивая верёвку вокруг задыхающегося и растерянного собеседника, она просила оказать посильную помощь беспомощной и одинокой женщине. О том, что у Иволги была огромная квартира, дача и гараж, она в душевных разговорах скромно умалчивала.

Ну должна же быть у женщины маленькая тайна?!

Оставшись без мужа, Иволга решила осчастливить ко-

го-нибудь другого. Цель была поставлена, а значит, должна была быть достигнута любым путём.

Её новый избранник оказался «немножко» женат. Но такие препятствия Иволга воспринимала примерно так же, как призовая лошадь — очередной барьер.

Не дав новому избраннику даже толком выдохнуть и осознать происходящее, она уже держала в руках свидетельство о расторжении его скоропостижно почившего брака.

О новом чуде в своей жизни Иволга отзывалась очень тепло.

В её рассказах мужчина был окрашен нежными, пастельными красками. Он представал перед нами тем самым принцем, который давно и безнадёжно искал свою даму сердца, потеряв надежду, и вдруг увидел светлый лик во мраке, жизнь до Иволги, конечно же, была для него мраком.

Позже нам посчастливилось с ним познакомиться.

Мужчина номер два оказался немного потрепан жизнью, но всё ещё молодцевато державшимся мужчиной.

От таких внезапных перемен в собственной жизни он, казалось, несколько растерялся, но мы за него не переживали: он находился в надёжных и сильных руках Иволги.

Она не даст ему упасть. А может, он ещё и взлетит. Правда, существовала вероятность, что дополнительное ускорение ему придаст пинок под его тощий зад, но какая разница, как человек окажется на вершине Олимпа?

Особенно увлекательно было слушать, как Иволга распи-

сывала себя своему новоиспечённому жениху. Она постоянно повторяла, что все свои сорок пять лет прожила чисто и непорочно, не зная других мужчин, муж почему-то в число мужчин не входил.

И, судя по всему, самой Иволге это совершенно не казалось странным. А он слушал её с восхищением и с каждым днём всё больше верил в навалившееся на него счастье.

Синица

Рядом с Иволгой жила женщина по имени Синица. Синица тоже хотела нового мужа: прежние, по её мнению, уже изжили себя.

Поначалу Синица рассказывала нам о бывшем муже, который со временем превратился в горького пьяницу, хотя когда-то между ними была великая любовь.

Позже выяснилось, что за тенью этого единственного мужа-алкоголика скрывались ещё два мужа. Но Синица не придавала этим незначительным деталям своей биографии особого значения. — Ну разве всё упомнишь? — поясняла она нам.

Синица была поражена той лёгкостью, с какой Иволга нашла себе кавалера. Сама она действовала по одному и тому же, давно отработанному жизненному сценарию.

Новым знакомым она представлялась состоятельной женщиной, которая ищет мужчину исключительно для праздника — без всяких бытовых обязательств и прочих обременений. Она одаривала нового избранника подарками, но взамен ожидала значительно большего, тайно надеясь на его благоразумие и, главное, щедрость.

Мужчины ей попадались довольно жадные.

Они быстро осваивались в таком хлебном месте возле Синичкиного гнезда и с большим удовольствием позволяли се-

бя холить и лелеять. Но у Синицы был крутой нрав. И вот однажды тёплое место под солнцем внезапно заслоняла туча.

С одним из своих возлюбленных Синица до сих пор состояла в отношениях, которые давно уже перешли в судебную плоскость. Процесс тянулся не один год.

Синица отличалась чрезвычайно упрямым характером и всегда была абсолютно уверена в собственной правоте.

Я старалась с ней не спорить, потому что заранее знала: победитель уже определён.

Синица даже великих писателей не пускала на первое место. Она, которая за всю свою жизнь не прочитала ни одной книги, считала этих «писак» недостойными соперниками собственного жизненного опыта.

Будь у неё больше свободного времени, она бы затмила их всех. Да и чем они могли её удивить?

Что нового они могли поведать женщине с таким пытливым, закалённым в жизненных баталиях умом?

Иногда Синица приглашала меня прогуляться в парк, объясняя это необходимостью «собрать мысли в кучу».

Почему эти мысли у неё постоянно разбегались в разные стороны, известно одному Богу.

Последний её кавалер разводил форель в селе. Он был неказист, косноязычен и удивительно податлив, но Синица разглядела в нём огромный потенциал.

Правда, сначала она его немного «причесала»: заставляла при людях больше молчать, чтобы окружающие приняли его

за человека задумчивого — эдакого сельского интеллектуала. Наведя на него необходимый лоск, Синица вывела его в свет и представила нам. Он беспрекословно следовал её советам: чаще молчал, внимательно слушал и старался производить впечатление человека, которому есть над чем задуматься. Синица была довольна.

Кажется, наконец-то рядом с ней появился мужчина, которого можно было не только любить, но и доработать до нужной кондиции. Синица свозила его на египетское побережье и показала ему другие разновидности рыб, кроме привычной ему форели. Он так радовался, прям по-детски.

Потратив на эту поездку собственные деньги, Синица теперь ожидала большого куша: когда его мальки вырастут, форель начнёт приносить барыши, а любовь россиян к этой рыбе обеспечит им безбедное будущее. Синица тем временем активно готовила своего форелевода к мысли о том, что ей самой уже пора бы поменять машину на более роскошную.

Горец активно кивал — то ли от скромности, то ли потому, что не до конца понимал русский язык, на котором вещала, собравшая мысли в кучу, Синица.

Следуя примеру Иволги, Синица тоже рассказывала своим поклонникам, что все эти годы бережно хранила свою честь исключительно для них. О трёх мужьях и троих детях она скромно умалчивала.

Но мужчины нынче пошли боязливые и почему-то

неохотно направлялись в вожаденный ЗАГС — даже после рассказов о долгих непорочных и чистых годах, проведенных в их ожидании лесной фиалкой Синицей. Вся надежда была на горца.

Но и здесь Синицу ожидал неприятный сюрприз. Форель выросла, а горец исчез. Вместе с деньгами.

Синица и Иволга в какой-то момент начали тесно общаться. Каждая, казалось, преследовала свои причины, но причина у обеих была одна. Любовь к деньгам.

Правда, этот тесный союз продержался недолго. Вскоре между ними разразился скандал.

Синица укоряла Иволгу в том, что та «не так проста, как кажется».

То ли в силу возрастной близорукости, то ли из-за каких-то иных помех со здоровьем, но Синица вообще всех окружающих считала простыми, незатейливыми и, что греха таить, недалёкими людьми.

Мне не раз в жизни приходилось наблюдать этот удивительный феномен: люди, сами обладающие весьма скромными умственными способностями, почему-то особенно охотно находят глупость именно в окружающих. Себя же они неизменно воспринимают как людей, несущих на своих плечах огромный багаж знаний, ума, опыта и прочей интеллектуальной поклажи.

И, что самое удивительное, этот багаж почему-то всегда оказывался невидимым для остальных.

Я с удовольствием слушала рассказы и Синицы и Иволги об их скандале и, не потому что хотела разобраться кто прав, а кто виноват, нет, я просто любила слушать жизненные истории. И мне было все равно кого слушать. Синица и Иволга были просто одними из многих, дарившим мне свои истории.

И выслушав их не мало — иногда печальных, иногда смешных, но чаще — хвалебных и щедро приукрашенных самими художниками монологов, с буйством красок: красивый пейзаж, цветы то там, то сям, и сверху, над всем этим великолепием, парил, конечно же, сам автор, я давно усвоила одно правило: не разрушать картину и старалась всегда следовать ему.

Я не просто наслаждалась новыми историями, но любила наблюдать и за дальнейшим развитием событий в жизни рассказчика.

Я была милым собеседником — молчаливым и угодливым, а потому почти со всеми оставалась в хороших отношениях.

Единственный раз в жизни у меня была подруга, с которой мы поссорились. Ну, как поссорились... Она ругалась, а я молчала.

Оса

Её звали Оса.

Оса переехала в наш дом позже многих, но за то время, пока я только начинала заводить с ней милую дружбу, она уже успела со всеми переругаться. Меня это почему-то не насторожило. Хотя я уже слышала: Оса — скандалистка, психологически нестабильна, а по слухам, слегка не в себе.

Ну как слегка... Совсем не слегка.

Так вот, случилась у нас с ней дружба, и однажды мы даже полетели вдвоём за границу, впрочем больше ей было и не с кем.

В день прилёта у стойки администратора я совершила свой первый подвиг Геракла — спасла девушку-администратора.

Осе не понравился её тон, и она решила вырвать ей клочок волос. Возможно, на память о поездке, а может, для каких-то других целей. Благодаря мне девушка за стойкой отделалась только нервным потрясением и сохранила роскошную шевелюру.

Я увела Осу на берег моря — подальше от людей, поближе к буйкам.

Оса патологически не любила моих знакомых, подруг, а может, просто не любила людей вообще. Меня это почему-то забавляло. Всё-таки ещё тогда стоило провериться у психи-

атра. И сейчас я говорю вовсе не об Осе, но время упущено.

Я старалась дружить с ней вдали от людей, чтобы они по возможности не соприкасались. Однако так получилось, что меня пригласили в очередную поездку, и я рискнула взять с собой Осу. Риск себя не оправдал. Нашей дружбе — тайной и опасной — пришёл конец.

С самого начала поездки Оса была очень раздражена. Я старалась помалкивать, не провоцировать её и вообще вести себя незаметно, но к вечеру Рубикон был перейдён. Меня буквально за шиворот втянули в водоворот нелепой словесной дуэли. Оса кричала так, что лесные звери с любопытством заглядывали в наши окна.

Мы находились в горах, в маленьком лесном домике, и, памятуя о способности Осы коллекционировать вырванные волосы, я поглядывала за окна нашего домика, пытаясь обнаружить вход в Шамбалу. Другой надежды сохранить волосы до утра я придумать не могла.

Потом решила просто притвориться спящей, но даже так была начеку и зорко следила за Осой из-под полуприкрытых век. Из этой поездки я вернулась с нервно дёргающимся глазом, зато сохранила волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.